

МРНТИ 06.52.45
УДК 338.45
JEL O10, O34, Z10

<https://doi.org/10.46914/1562-2959-2026-1-1-212-228>

САНСЫЗБАЕВ С.Н.,¹

д.э.н., профессор.
e-mail: s.sansyzbayev@turand-edu.kz
ORCID ID: 0009-0007-3051-1441

ХАДЖИЕВА Г.У.,*¹

к.э.н., профессор-исследователь.
*e-mail: g.khajiyeva@turand-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-8889-543X

ДУСМУХАМЕДОВ О.С.,²

PhD, ассоциированный профессор.
e-mail: Oy_bek63@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-8518-8572

¹Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан

²Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

Сектор креативных индустрий обладает значительным потенциалом для содействия развитию транзитивных экономик стран Центральной Азии путем создания высококвалифицированных рабочих мест и стимулирования устойчивого социально-экономического роста. В условиях ускоряющейся регионализации глобальной экономики и глубокой трансформации традиционных моделей культурного и экономического развития исследование интеграционного потенциала креативных индустрий приобретает повышенную актуальность как с научной, так и с практической точки зрения. Для стран Центральной Азии креативные индустрии выступают не только значимым драйвером экономического роста, но и действенным инструментом формирования наднациональной идентичности, культурной связанности и устойчивых трансграничных сетей сотрудничества. Целью настоящего исследования является разработка теоретико-методологических основ анализа интеграционного потенциала креативных индустрий стран Центральной Азии на основе комплексного многоуровневого подхода. В работе последовательно обоснована необходимость перехода от фрагментарного анализа национальных креативных секторов к системному исследованию региональной экосистемы, в которой ключевое значение приобретают институциональные, экономические, социокультурные и цифровые факторы интеграции. Методологическую основу исследования составили концепции региональной экономической интеграции, теория креативной экономики, институциональный и сетевой подходы, а также методы сравнительного анализа, индексации и сценарного моделирования. В статье предложена авторская модель Интеграционного индекса креативных индустрий Центральной Азии, обеспечивающая количественную оценку степени связанности стран региона, а также позволяющая систематически выявлять ключевые узкие места, препятствующие дальнейшему углублению интеграционных процессов в регионе. Научная новизна исследования состоит в формировании концептуально и методологически целостного инструментария анализа интеграции креативных индустрий на наднациональном уровне, последовательно адаптированного к социально-экономической и культурной специфике Центральной Азии. Практическая значимость работы определяется широкими возможностями применения полученных результатов при разработке региональных стратегий развития, целевых программ поддержки креативных индустрий, а также межгосударственных инициатив в сфере культуры и экономики.

Ключевые слова: креативные индустрии, интеграционный потенциал, региональная интеграция, креативная экономика, культурная кооперация, индекс интеграции, транзитивная экономика.

Введение

Современный этап социально-экономического развития характеризуется переходом от индустриальных моделей роста к экономике знаний, инноваций и творчества, в рамках которой креативные индустрии занимают стратегически значимое место. По данным Глобального доклада ЮНЕСКО, вклад культурной и креативной индустрии (далее – КИ) в мировой ВВП составляет 3,39%, на нее приходится 3,55% общей занятости, а культурный туризм в 250 городах принес в 2023 г. 741,3 млрд долларов. Более того, 93% государств – членов ООН включили культуру в качестве ключевого элемента в свои стратегии национального развития [1]. По данным ЮНКТАД, в мировом масштабе КИ генерируют около 2,3 трлн долларов ежегодно, обеспечивают 6,2% мировой занятости и потенциально способны составить до 7,3% ВВП отдельных государств [2]. По экспертным оценкам международных организаций, в Центральной Азии (далее – ЦА) вклад КИ в ВВП региона составляет около 1% [3], что указывает на значительный «потенциал догоняющего развития».

Для стран ЦА, обладающих глубокой историко-культурной общностью, но сохраняющих значительную политико-экономическую фрагментацию, КИ открывают уникальную возможность для нетрадиционного пути региональной интеграции. Этот путь основывается не столько на формальных политических договоренностях или товарных потоках, сколько на совместном культурном производстве, цифровых сетях и «мягкой силе» [4].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от абстрактных констатаций культурного единства ЦА к системному анализу реальных механизмов и инструментов интеграции в конкретной, динамично развивающейся экономической сфере. Несмотря на наличие отдельных успешных совместных проектов, потенциал региона в сфере КИ реализуется фрагментарно. Причины кроются в институциональной неоднородности, различиях в уровне экономического развития, недостатке общей инфраструктуры и скоординированной политики. В то же время такие факторы, как молодое население, растущая цифровизация, общность культурных кодов и нарративов, создают мощную основу для сотрудничества.

Для стран ЦА развитие КИ имеет двойственное значение. С одной стороны, сектор КИ способствует диверсификации экономик, снижению сырьевой зависимости и созданию рабочих мест для молодежи. С другой стороны, КИ обладают высоким интеграционным потенциалом, поскольку основаны на общих культурных кодах, историческом наследии и трансграничных коммуникациях, сформировавшихся в регионе ЦА на протяжении веков.

Несмотря на наличие значительных предпосылок для интеграции, КИ ЦА в настоящее время развиваются преимущественно в рамках национальных стратегий, что ограничивает эффекты масштаба, трансфер знаний и формирование единого регионального рынка. Страны ЦА таят в себе скрытые резервы для укрепления кооперационных связей между ними, раскрытие которых позволит перейти к более глубокой экономической интеграции [5]. Вместе с тем поэтапный процесс интеграции подразумевает комбинацию не только экономических процессов, но и необходимых политических решений [6].

В научной литературе недостаточно разработаны теоретико-методологические подходы, позволяющие комплексно оценивать интеграционный потенциал КИ на наднациональном уровне, с учетом институциональных, экономических, социокультурных и цифровых факторов. Поэтому теоретическое исследование призвано расширить научное понимание социокультурной интеграции в странах ЦА, интегрируя эмпирические данные о КИ. В практическом плане возникает потребность в определении мер по развитию регионального культурного сотрудничества, включая создание совместных фондов для фестивалей и экспорта, содействия формированию общего культурно-креативного рынка стран ЦА.

Большой проблемой остается нехватка, неточность, ненадежность и расхождения статистических данных для объективной количественной оценки масштабов креативной экономики стран ЦА.

Объектом исследования являются КИ стран ЦА. Предметом исследования выступают интеграционные процессы и механизмы формирования региональной связанности в сфере КИ. Цель исследования – разработка теоретико-методологических основ анализа интеграционного потенциала КИ стран ЦА.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- ♦ проанализировать эволюцию научных подходов к исследованию КИ и региональной интеграции;
- ♦ обосновать применимость многоуровневого подхода к анализу интеграционного потенциала;
- ♦ разработать методологию оценки интеграции КИ стран ЦА;
- ♦ предложить авторскую модель интеграционного индекса и определить направления ее практического применения.

Материалы и методы

Методологическая рамка исследования основана на сочетании институционального, сравнительно-аналитического и многоуровневого подходов, что позволяет анализировать КИ не только как совокупность отраслей, но и как объект региональной культурно-экономической интеграции. Такой подход обеспечивает рассмотрение интеграционного потенциала на разных уровнях – от национальных институциональных условий до межгосударственных форм взаимодействия, а также формирует основу для разработки методологии оценки интеграции КИ стран ЦА и построения авторской модели интеграционного индекса.

В теоретическом плане настоящее исследование опирается на концепцию креативной экономики, в рамках которой человеческий, интеллектуальный и культурный капитал интерпретируется как ключевые ресурсы постиндустриального роста, а также на положения институциональной теории, акцентирующей роль нормативно-правовой среды, государственных стратегий и механизмов координации в формировании экономических секторов нового типа.

Указанные теоретические основания развиваются в работах известных исследователей КИ и регионального развития, а также в аналитических материалах международных организаций. В частности, в исследовании использованы монографии и статьи Дж. Ная [4], Б. Баласса [6], Дж. Хоукинса [7], Р. Флориды [8], А. Скотта [9], Д. Хезмондалша [10], опубликованные в общем доступе отчеты и исследования таких международных организаций, как UNESCO [1, 11], UNCTAD [2], OECD [12], UNDP [13], British Council [14, 15, 17], European Commission [18], а также аналитический отчет по КИ Международного финансового центра «Астана» [3], экономическое обозрение Центра экономических исследований и реформ при Администрации Президента Республики Узбекистан [19].

В качестве эмпирической и аналитической базы использованы разнородные источники, объединяющие нормативно-правовые документы, официальную статистику, результаты полевых исследований и анализ практических кейсов межрегионального сотрудничества.

В первый блок источников включены стратегические документы и программы развития КИ стран ЦА, в частности: Концепция развития КИ Республики Казахстан до 2025 года [20]; Приказ Министра культуры и информации Республики Казахстан от 20 октября 2025 года «Об утверждении перечня видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии» [21]; Закон Республики Узбекистан «О креативной экономике» [22]; Закон Кыргызской Республики «О парке креативных индустрий» [23]; стратегические и программные документы Таджикистана и Туркменистана, направленные на развитие культурного и творческого секторов.

Анализ данных документов позволил выявить институциональные модели государственной поддержки, приоритетные направления развития КИ, а также степень согласованности национальных стратегий с задачами региональной интеграции.

Второй блок составляют данные национальных статистических комитетов стран ЦА, отражающие вклад культурных и креативных секторов в ВВП, уровень занятости, динамику числа субъектов креативной экономики и объемы экспорта. Количественные показатели применялись для выявления структурных различий между странами региона, оценки масштабов сектора и анализа тенденций его развития в сопоставимом временном разрезе.

В рамках третьего блока задействованы материалы полевых исследований, включая результаты серии экспертных интервью, проведенных участниками проекта с представителями профильных министерств и ведомств, руководителями творческих союзов, владельцами креативных бизнесов и цифровых платформ в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане.

Важным элементом эмпирической базы стал четвертый блок, включающий анализ успешных кейсов региональных инициатив и проектов, среди которых: ряд центральноазиатских кинофестивалей, биеннале в Бухаре – 2025, совместные музыкальные фестивали Silk Way Star – 2025 в г. Астане и CreaPark – 2025 в г. Бишкеке, ремесленные ярмарки и межрегиональные выставки. Данные кейсы рассматривались как практические формы реализации интеграционного потенциала КИ, демонстрирующие возможности культурной кооперации, формирования сетевых сообществ и трансграничного продвижения творческих продуктов.

В исследовании используются элементы экономико-статистического анализа, сравнительного анализа, а также методы индексации и агрегирования показателей, что позволяет перейти от качественных описаний к количественной оценке интеграционного потенциала.

Выбранный теоретико-методологический подход обусловлен необходимостью анализа КИ не только как экономического сектора, но и как потенциального интеграционного ресурса региона. Сопоставление стратегических документов, статистических данных, экспертных оценок и практических кейсов, а также использование методов индексации и агрегирования показателей, позволяет выявить взаимосвязь между институциональными условиями, уровнем развития КИ и возможностями трансграничного сотрудничества.

Результаты и обсуждение

1. Теоретические основания: эволюция концепции креативных индустрий

В условиях глобализации и ускоренной цифровой трансформации КИ утвердились как один из ключевых сегментов постиндустриальной экономики. Впервые системное научное осмысление данного феномена было предложено в работах Дж. Хоукинса, определившего КИ как совокупность видов деятельности, основанных на индивидуальном творчестве, навыках и таланте, обладающих потенциалом создания богатства и рабочих мест через эксплуатацию интеллектуальной собственности [7, с. 8–12]. В дальнейшем концепция КИ получила развитие в исследованиях Р. Флориды, связавшего экономический рост территорий с концентрацией креативного класса – носителей инновационного мышления, культурного капитала и предпринимательской активности [8, с. 68–75].

Существенным вкладом данных подходов стало смещение акцента с материальных факторов производства на нематериальные ресурсы – знания, культуру, идентичность и социальные сети.

Таким образом, понятие КИ сформировалось на стыке экономической теории, культурологии и урбанистики и первоначально использовалось для обозначения отраслей, основанных на индивидуальном творчестве, навыках и таланте, обладающих потенциалом создания добавленной стоимости и рабочих мест за счет интеллектуальной собственности [24]. В дальнейшем концепция была расширена: вместо узкоэкономического подхода, включающего доход, занятость и налоги, была предложена многоуровневая модель воздействия, охватывающая экономическое, социальное, культурное, экологическое измерения, а также институциональное и территориальное развитие [16].

В глобальном контексте КИ стали формировать новые источники экономического роста, занятости и культурной солидарности, выступая катализатором инноваций и социальных преобразований, при этом цифровая трансформация КИ формирует особую экосистему, определяемую двумя фундаментальными процессами: конвергенцией ключевых технологий и повышением уровня интерактивности и вовлечения аудитории [25]. Вместе с тем в большинстве стран мира переход КИ к циркулярной экономике остается фрагментарным и несистемным, несмотря на поддержку ЦУР ООН [26].

Вместе с тем большинство классических теорий креативной экономики формировались на базе развитых стран Запада и в меньшей степени учитывали специфику развивающихся регионов, обладающих сильной культурно-исторической общностью, но ограниченными институциональными и финансовыми ресурсами. Для перехода к более зрелому дискурсу необходимы фундаментальные исследования, преодолевающие поверхностность и заполняющие концептуальные пробелы [27].

В этом контексте страны ЦА представляют собой особый исследовательский кейс, где КИ развиваются в условиях транзитивных экономик, сохраняющих высокую роль государства и социокультурной традиционности. Для стран ЦА КИ выступают не только экономическим сектором, но и пространством воспроизводства культурной идентичности, межпоколенческого диалога и трансграничного культурного взаимодействия.

2. Сравнительный статистический обзор состояния КИ в странах Центральной Азии

Сравнительный анализ состояния КИ в странах ЦА демонстрирует существенную асимметрию как по уровню развития сектора, так и по степени институциональной зрелости (таблица 1). При этом необходимо учитывать, что сопоставимость данных ограничена ввиду различий в методологиях измерения и неполноты национальной статистики, особенно применительно к Таджикистану и Туркменистану.

Таблица 1 – Сравнительные показатели развития КИ в странах ЦА в 2024 г.

Показатель	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан
ВВП (млрд долл.)	~260	~115	~17,5	~12	~57
Доля КИ в ВВП	~1% (цель: 2% к 2029 г.)	нет данных (цель: 5% к 2030 г.)	нет данных (цель: 5–7% к 2030 г.)	нет данных	нет данных
ВДС КИ	1,2 трлн тг (2023 г.)	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Занятость в КИ	141,5 тыс. чел.	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Число субъектов КИ	46 667 (прирост 17% за год)	нет данных	130+ (резиденты СІР, 2025 г.)	нет данных	нет данных
Ключевой нормативный акт	Концепция КИ до 2025 г., новая концепция до 2030 г. (в разработке)	Закон «О креативной экономике» (2024 г.)	Закон «О парке КИ» (2022 г.)	Программа культурного развития	Нет отдельного акта
Ключевые институты / платформы	МФЦА, 12 кластерных хабов, AIFC	IT Park, Бухара Биеннале	ПКИ, Create4, CreaPark, UNDP Accelerator Lab	Центры народных ремесел	Государственные культурные учреждения
Экспорт IT-услуг	нет данных	344 млн долл. (2023 г., рост с 16 млн в 2020 г.)	нет данных	нет данных	нет данных
Доля молодежи (до 30 лет) в населении	~40%	~60%	~50%	~55%	~45%

Примечание: Составлено авторами на основе данных национальных статистических органов, МВФ, ВБ, а также [3, 13, 22, 23].

2.1 Казахстан: лидер по институциональной зрелости

Казахстан занимает лидирующую позицию среди стран ЦА как по масштабам сектора КИ, так и по степени его институционализации. По данным Бюро национальной статистики, валовая добавленная стоимость креативной экономики Казахстана в 2023 г. достигла 1,2 трлн тг, что соответствует около 2,7 млрд долларов США, и демонстрирует рост в 3,2 раза в номинальном выражении с 2017 г. [3]. Тем не менее доля КИ в ВВП страны составляет около 1%, что существенно ниже показателей развитых экономик (3–7%). Правительство поставило цель довести этот показатель до 2% к 2029 г., а число занятых в секторе – с нынешних 145 тысяч до 180 тысяч человек.

Отраслевая структура казахстанских КИ отличается высокой концентрацией в сегменте IT и разработки видеоигр (38% ВДС, 459 млрд тг), что выгодно отличает Казахстан от соседних

стран, ориентированных преимущественно на традиционное культурное производство. Среди традиционных секторов лидируют архитектура, мода и дизайн (24% ВДС, 286 млрд тенге), далее следуют культурно-досуговые учреждения (132 млрд тенге) и народные промыслы (60 млрд тг). Примечательна географическая концентрация: на г. Астану и г. Алматы приходится 67% всех юридических лиц в отрасли, что создает риски структурной неравномерности, но одновременно формирует условия для интеграции этих городов в глобальные креативные кластеры [3]. С 2024 г. в Казахстане введен специальный налоговый режим для КИ – единый розничный налог от 2 до 4% для 40 видов деятельности, что незамедлительно дало результат: число субъектов КИ за год выросло на 17%, достигнув 46 667 предприятий. Функционируют 12 кластерных хабов поддержки КИ, 324 компании зарегистрированы в Международном финансовом центре «Астана» (МФЦА), преимущественно в IT-секторе. Амбициозная цель довести экспорт КИ до 115 млн долларов свидетельствует о намерении Казахстана войти в число значимых игроков глобального рынка творческих продуктов и услуг.

2.2 Узбекистан: институциональный прорыв на фоне дефицита статистики

Узбекистан демонстрирует качественный сдвиг в государственной политике в отношении КИ. Закон «О креативной экономике» стал первым в ЦА специализированным законодательным актом в данной сфере, хотя эксперты указывают на недостаточную конкретизацию мер поддержки и риски бюрократических ограничений [22]. Стратегическая цель государства довести долю КИ в ВВП Узбекистана до 5% к 2030 г. амбициозна на фоне отсутствия достоверных базовых данных о текущем состоянии сектора.

Наиболее показательны результаты в сегменте IT-услуг: экспорт вырос с 16 млн долларов в 2020 г. до 344 млн долларов в 2023 г. – более чем в 20 раз. Доля IT-отрасли в ВВП увеличилась с 1,99% до 3,5% за тот же период, что демонстрирует возможности быстрого масштабирования при целенаправленной государственной поддержке [3]. Сильным институциональным активом остается IT Park, который может рассматриваться как образец для формирования более широкой инфраструктуры КИ. Важным интеграционным сигналом стало успешное проведение биеннале в г. Бухаре (2025) как площадки для регионального культурного взаимодействия.

Демографический фактор является ключевым преимуществом Узбекистана: около 60% населения страны составляют молодые люди до 30 лет, что формирует значительный потенциальный контингент для развития КИ, особенно в цифровом сегменте. Вместе с тем высокий уровень трудовой миграции свидетельствует о том, что значительная часть молодежи реализует свой потенциал за рубежом, что создает риски «утечки мозгов» и творческого потенциала.

2.3 Кыргызстан: инновационная модель мирового значения

Кыргызстан, обладая наименьшим ВВП среди рассматриваемых стран (17,5 млрд долларов в 2024 г.), реализовал институциональный прорыв, получивший международное признание. Принятый в 2022 г. Закон «О парке креативных индустрий» и последовавшее создание Парка креативных индустрий (ПКИ) сформировали первый в мире специализированный налоговый режим для широкого спектра творческих секторов – от кинематографа и музыки до моды и графических искусств (72 вида деятельности). ПКИ обеспечивает существенно сниженные налоговые ставки, минимум бюрократии и доступ к международным рынкам.

Результаты деятельности ПКИ впечатляют: за 12 месяцев с момента полноценного запуска в 2024 г. число резидентов превысило 130, а выручка в III квартале 2025 г. составила более 500 млн сомов (~6 млн долларов), продемонстрировав десятикратный рост по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. Для сравнения: аналогичный режим для IT (High Technology Park), созданный в 2013 г., за первое десятилетие обеспечил 500-кратный рост выручки своих резидентов, что задает ориентир для долгосрочных ожиданий от ПКИ. В прошлом году ПКИ провел свой первый масштабный ивент – CreaPark-2025.

Кыргызстан активно развивает региональную интеграционную функцию КИ: платформа Create4, объединяющая более 30 партнеров и 100 организаций, расширилась до субнационального уровня и вышла на уровень регионального сотрудничества (в 2024 г. фестиваль прошел в 36 локациях Кыргызстана и г. Ташкента). UNDP выделяет роль Кыргызстана как практического лидера КИ-интеграции в регионе. Ololo – крупнейшая сеть креативных хабов в ЦА (9 локаций в Кыргызстане, расширение в Казахстан) – служит примером трансграничного масштабирования креативного бизнеса «снизу» [13].

2.4 Таджикистан и Туркменистан: ограниченные данные, сохраняющийся потенциал

Для Таджикистана и Туркменистана характерен острый дефицит сопоставимых статистических данных по КИ. Таджикистан располагает богатым ремесленным и культурным наследием (шелкоткачество, ювелирное дело, музыкальные традиции, включенные в Список ЮНЕСКО), которое имеет потенциал для интеграции в региональные цепочки создания стоимости в сфере КИ. Однако слабая нормативно-правовая база, экономическая уязвимость (доля денежных переводов в 2024 г., по данным Всемирного банка, достигла 45% ВВП) и ограниченная цифровая инфраструктура препятствуют раскрытию этого потенциала.

Туркменистан в наибольшей степени остается закрытым с точки зрения информационной доступности: деятельность в сфере КИ сосредоточена преимущественно в государственных культурных учреждениях и характеризуется минимальным участием частного сектора и гражданского общества. Тем не менее богатые традиции ковроткачества, ювелирного искусства и конного спорта формируют уникальные ниши, потенциально привлекательные для включения в региональную систему КИ.

Ключевым аналитическим выводом сравнительного обзора является то, что страны ЦА находятся на принципиально разных стадиях институционального развития КИ: от уже сформированной системы с амбициозными экспортными целями (Казахстан) до инновационной налоговой модели мирового значения (Кыргызстан), динамичного законодательного старта при статистической неопределенности (Узбекистан) и фактического отсутствия специализированной политики (Таджикистан, Туркменистан). Эта асимметрия одновременно является барьером и потенциальным преимуществом: при наличии институциональных «якорей» в лице Казахстана и Кыргызстана возможен механизм диффузии успешных практик.

3. Концептуализация интеграционного потенциала креативных индустрий стран Центральной Азии

Исследование интеграционного потенциала КИ стран ЦА основано на сочетании нескольких взаимодополняющих методологических подходов, позволяющих преодолеть ограничения узкоэкономического анализа и учесть комплексный характер интеграционных процессов в креативной сфере.

Ключевым является многоуровневый подход, в рамках которого интеграция рассматривается как результат взаимодействия институциональных, экономических, социокультурных и цифрово-коммуникационных факторов. Данный подход широко применяется в исследованиях регионального развития и позволяет анализировать не только формальные механизмы интеграции, но и неформальные сети, практики и символические формы взаимодействия [9].

Вторым методологическим основанием выступает институциональный подход, в соответствии с которым уровень интеграции определяется степенью согласованности правовых норм, стратегических документов, режимов регулирования и деятельности межгосударственных институтов. Для КИ институциональная среда имеет особое значение, поскольку напрямую влияет на защиту интеллектуальной собственности, мобильность творческих работников и трансграничное производство контента [10].

Третьим компонентом является сетевой подход, предполагающий анализ плотности и структуры трансграничных связей между творческими сообществами, образовательными учреждениями, культурными организациями и бизнес-структурами. В рамках данного подхода интеграция понимается как процесс формирования устойчивых горизонтальных сетей, которые могут развиваться независимо от уровня формализации межгосударственных соглашений.

Важным теоретическим основанием исследования является концепция «мягкой силы» Дж. Ная, определяющего ее как способность государства или региона достигать желаемых результатов через привлекательность культуры, ценностей и образа жизни, а не через принуждение или экономическое давление [4]. КИ выступают одним из ключевых инструментов мягкой силы: они формируют внешнее восприятие региона, усиливают его культурную узнаваемость и способствуют развитию культурной дипломатии. Для стран ЦА совместные креативные проекты могут стать способом повышения международной видимости региона и формирования позитивного имиджа, основанного на культурном разнообразии и инновационном потенциале.

Статистический анализ, проведенный в рамках настоящего исследования, подтверждает тезис о критическом дефиците сопоставимых данных [28]. Из пяти стран ЦА лишь одна (Казах-

стан) располагает систематизированной национальной статистикой по КИ, тогда как остальные страны либо только формируют соответствующие системы учета (Узбекистан), либо ограничиваются косвенными показателями (Кыргызстан – через статистику ПКИ), либо не ведут специализированного учета вовсе (Таджикистан, Туркменистан). Это само по себе является важным институциональным барьером для интеграции: без сопоставимой статистики невозможно формировать совместные программы, распределять ресурсы и оценивать эффекты кооперации.

Для оценки воздействия КИ на общество следует отходить от узкого экономического подхода, подразумевающего получение доходов, уплату налогов, повышение занятости, в пользу многоуровневой модели воздействия, включающей экономическое, социальное, культурное, экологическое воздействие, а также институциональное и пространственное развитие. КИ одновременно создают гибридную ценность, включающую наряду с рыночной стоимостью, социальными и культурными экстерналиями также нематериальные общественные ценности (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура нематериальных общественных ценностей

Примечание: Составлено авторами на основе собственных исследований.

Для стран ЦА КИ имеют дополнительное измерение, связанное с общностью историко-культурного наследия, многоязычностью и пересечением торговых и культурных путей, что создает объективные предпосылки для трансграничной интеграции.

Классические теории региональной интеграции акцентируют внимание на экономических факторах – торговле, инвестициях, мобильности факторов производства и институциональной гармонизации. Однако в последние десятилетия исследователи все чаще указывают на необходимость учета нематериальных факторов интеграции, включая культуру, знания, сети и цифровые коммуникации. Вместе с тем в странах ЦА наблюдается критический дефицит достоверных статистических данных [29].

В этом контексте КИ представляют собой особый объект интеграции, для которого традиционные экономические модели оказываются недостаточными. Интеграция в сфере КИ может происходить «снизу», через сетевые формы взаимодействия, совместное производство контента, цифровые платформы и мобильность творческих профессионалов, даже при отсутствии жестко формализованных межгосударственных соглашений. Поэтому для прорыва необходимы скоординированные системные изменения, а не точечные меры, включая реформу

образования, создание специализированных финансовых инструментов, развитие креативных кластеров и налаживание конструктивного диалога между государством и сектором [30].

Следовательно, исследование интеграционного потенциала КИ требует синтеза институционального, экономического и сетевого подходов, а также учета социокультурной специфики региона.

В рамках настоящего исследования интеграционный потенциал КИ стран ЦА определяется как совокупность культурных, институциональных, экономических и коммуникационно-цифровых ресурсов и связей, обеспечивающих возможность и способность стран региона к устойчивому, взаимовыгодному и институционально закрепленному взаимодействию, обеспечивающему возможность формирования общего креативного пространства региона на основе совместного производства, дистрибуции и потребления культурных и креативных продуктов.

В отличие от традиционных показателей экономической интеграции интеграционный потенциал в КИ включает:

- ♦ степень институциональной совместимости и правовой гармонизации;
- ♦ уровень экономической взаимосвязанности и инфраструктурной сопряженности;
- ♦ интенсивность социокультурных обменов и мобильности человеческого капитала;
- ♦ развитость единого цифрово-коммуникационного пространства.

Такое расширенное понимание интеграционного потенциала позволяет учитывать специфику КИ как сектора, в котором нематериальные активы и символические ресурсы играют не меньшую роль, чем материальные и финансовые.

4. Авторская модель Интеграционного индекса КИ ЦА

Для количественной оценки интеграционного потенциала КИ стран ЦА в исследовании предложен Интеграционный индекс КИ ЦА (ИИ КИ ЦА) – агрегированный показатель, отражающий степень связанности национальных креативных экосистем в региональном разрезе.

Принципиальным методологическим положением является отказ от простой агрегации национальных показателей. В отличие от существующих подходов индекс ориентирован на измерение взаимосвязанности, а не среднего уровня развития. Это позволяет учитывать асимметрии, сетевые эффекты и дисбалансы между странами региона. Данный принцип особенно важен с учетом выявленной структурной асимметрии: высокий уровень развития КИ в одной стране не транслируется автоматически в высокий уровень региональной интеграции.

Индекс строится на основе четырех уровней интеграции:

Уровень 1 – Институционально-правовая интеграция (L_1) – степень формализации интеграционных процессов;

Уровень 2 – Экономико-инфраструктурная интеграция (L_2) – реальная экономическая основа интеграции;

Уровень 3 – Социокультурная интеграция и человеческий капитал (L_3) – «мягкие» факторы интеграции;

Уровень 4 – Коммуникационно-цифровая интеграция (L_4) – цифровое интеграционное пространство.

Каждый уровень представлен подиндексом, включающим набор индикаторов с определенными весами. Итоговый интеграционный индекс определяется по формуле:

$$\text{ИИ КИ ЦА} = 0,25 \cdot L_1 + 0,30 \cdot L_2 + 0,25 \cdot L_3 + 0,20 \cdot L_4$$

Веса подиндексов отражают относительную значимость каждого уровня: наибольший вес (30%) присвоен экономико-инфраструктурному уровню как наиболее объективно измеримому и значимому с точки зрения рыночной интеграции. Институционально-правовой и социокультурный уровни имеют равный вес (по 25%), что отражает признание как формальных, так и неформальных механизмов интеграции.

Как показывают данные таблицы 2, коммуникационно-цифровой уровень, несмотря на динамичное развитие, получил наименьший вес (20%) ввиду его опосредованной связи с реальной экономической интеграцией.

Таблица 2 – Структура Интеграционного индекса КИ ЦА

Подиндекс	Название уровня	Индикаторы	Вес в ИИ КИ ЦА
L ₁	Институционально-правовая интеграция	Стратегия КИ (20%); гармонизация права (20%); налоговые режимы (15%); международные соглашения (25%); активность институтов (20%)	25%
L ₂	Экономико-инфраструктурная интеграция	Доля КИ в ВВП; экспорт КИ; инвестиции; кластеры и хабы; транспортная связность; цифровая инфраструктура; финансовые инструменты	30%
L ₃	Социокультурная интеграция и человеческий капитал	Общность наследия; академическая и творческая мобильность; трансграничные сети; кадровый потенциал; НКО и профсообщества	25%
L ₄	Коммуникационно-цифровая интеграция	Взаимное потребление медиаконтента; региональные платформы; языковая связность; соцсети и кросс-аудитория	20%
Примечание: Составлено авторами на основе собственных исследований.			

Аналитическая ценность предложенной модели состоит в возможности не только количественно оценить текущий уровень интеграции, но и диагностировать структурные разрывы между уровнями. Например, уже сейчас можно констатировать, что цифровой и социокультурный уровни (L₃, L₄) развиты значительно сильнее, чем институциональный и экономический (L₁, L₂). Это означает, что регион имеет «мягкое ядро» интеграции, но лишен необходимой институциональной «оболочки».

5. Наднациональная версия ИИ КИ ЦА и экспертная оценка

ИИ КИ ЦА на региональном уровне характеризуется тем, что региональный индекс не равен сумме страновых индексов: он измеряет степень связанности системы, а не средний уровень развития отдельных стран. Региональные компоненты включают: R₁ – наличие общерегиональной институциональной архитектуры; R₂ – интенсивность трансграничных экономических потоков; R₃ – плотность культурных и профессиональных сетей; R₄ – единое цифровое пространство КИ. Формула регионального индекса:

$$\text{ИИ КИ ЦА}_{\text{рег}} = 0,25R_1 + 0,25R_2 + 0,25R_3 + 0,25R_4$$

Экспертная оценка текущего состояния региональных подиндексов выявляет принципиальную диспропорцию. Подиндекс R₁ (институциональная архитектура) получает наименьшую оценку – 45 баллов из 100: несмотря на наличие ШОС и СНГ, специализированных механизмов поддержки КИ на региональном уровне не существует. Подиндекс R₂ (экономические потоки) – 40 баллов: трансграничные потоки КИ носят эпизодический, а не системный характер. Подиндекс R₃ (культурные сети) – 60 баллов: общность культурного наследия, языковая близость и личные связи обеспечивают относительно высокую плотность неформальных сетей. Подиндекс R₄ (цифровое пространство) – 55 баллов: растущее использование общих цифровых платформ и социальных сетей формирует единое медиапространство (таблица 3).

Итоговый ИИ КИ ЦА на региональном уровне составляет 50 баллов из 100. Данный показатель интерпретируется следующим образом: регион находится на стадии «формирующейся интеграции» – социокультурное и цифровое ядро уже сложилось (R₃, R₄>50), тогда как институциональный и экономический «скелет» остается недостроенным (R₁, R₂<50). Это означает, что потенциал интеграции реализован примерно наполовину, а для перехода к следующей стадии необходимы сознательные институциональные усилия.

Таблица 3 – Экспертная оценка региональных подиндексов ИИ КИ ЦА

Код	Подиндекс	Оценка (0–100)	Аналитическая характеристика
R1	Общерегionalная институциональная архитектура	45	Отсутствует специализированный межправительственный орган по КИ; декларативное участие в ШОС и СНГ
R2	Интенсивность трансграничных экономических потоков	40	Минимальный зафиксированный взаимный экспорт КИ; доминируют разовые проекты, а не устойчивые цепочки
R3	Плотность культурных и профессиональных сетей	60	Общее культурное наследие, языковая близость, интенсивные неформальные связи; Create4 и OLOLO как модели масштабирования
R4	Единое цифровое пространство КИ	55	Общие платформы (Yandex, Instagram и др.); русскоязычный медиаконтент как связующий элемент; дефицит региональных платформ КИ
	ИТОГО ИИ КИ ЦА рег.	50	Стадия «формирующейся интеграции»: сильное неформальное ядро при слабой формальной архитектуре
Примечание: Составлено авторами на основе экспертных оценок и данных исследования.			

б. Сценарное моделирование динамики интеграции до 2030 г.

С целью оценки возможных траекторий развития интеграции КИ в регионе проведено сценарное моделирование динамики ИИ КИ ЦА до 2030 г. В основу положены три сценария: инерционный, ускоренный и асимметричный.

Инерционный (базовый) сценарий предполагает сохранение текущих тенденций, при которых КИ развиваются преимущественно в рамках национальных стратегий, а региональная координация остается ограниченной. Его ключевые характеристики: отсутствие формализованной региональной стратегии; рост преимущественно за счет национальных инициатив; опережение цифровой интеграции над институциональной. Прогнозируемый рост ИИ КИ ЦА к 2030 г. – до 56–58 баллов. Данный сценарий не создает угроз разрушения существующего социокультурного ядра, однако упускает возможности масштабирования и не позволяет сформировать полноценный единый рынок КИ.

Ускоренный сценарий (институциональный прорыв) основан на предположении о согласованных политических решениях: разработка региональной дорожной карты развития КИ ЦА; гармонизация нормативно-правовой базы в сфере авторского права и ИС; создание совместных финансовых инструментов и цифровых платформ; взаимное признание стандартов и квалификаций.

При данном сценарии наблюдается существенный рост всех подиндексов, особенно L_1 и L_2 , что обеспечивает формирование устойчивой региональной экосистемы КИ.

Прогнозируемый рост ИИ КИ ЦА к 2030 г. – до 70–75 баллов. Критическим условием является политическая воля всех пяти государств, что делает данный сценарий реализуемым при наличии «локомотива» в лице Казахстана и Узбекистана.

Асимметричный (цифрово-культурный) сценарий отражает интеграцию «снизу» – через онлайн-сети, совместное производство контента и кросс-граничные сообщества. Его логика: интеграция через цифровые платформы при минимальной формализации; ведущая роль креативных сообществ (Ololo, Create4 и подобные); быстрый рост L_3 и L_4 при стагнации L_1 . Прогнозируемый рост ИИ КИ ЦА к 2030 г. – до 62–65 баллов.

Главный риск данного сценария – нарастание структурных дисбалансов между странами: быстрее развивающиеся (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан) еще больше оторвутся от отстающих (Таджикистан, Туркменистан) (таблица 4).

Сравнительный анализ сценариев показывает, что наибольший устойчивый эффект достигается при сочетании институциональных реформ и поддержки сетевых и цифровых инициатив (ускоренный сценарий). Асимметричный сценарий может служить «подготовительным

этапом» для институционального прорыва, формируя низовой запрос на формализацию. Инерционный сценарий – наиболее вероятный при сохранении статус-кво – не ведет к деградации интеграции, но упускает «окно возможностей», создаваемое одновременными реформами в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане.

Таблица 4 – Сравнительный анализ сценариев развития ИИ КИ ЦА до 2030 г.

Параметр	Инерционный	Ускоренный	Асимметричный	Рекомендуемый
Прогноз ИИ КИ ЦА к 2030	56–58 б.	70–75 б.	62–65 б.	72–77 б.
Ведущие факторы роста	Нац. стратегии, цифровизация	Институт. реформы, гармонизация	Цифровые сообщества, платформы	Сочетание всех трех подходов
Рост L ₁ (институциональный)	Слабый	Сильный	Слабый	Сильный
Рост L ₃ –L ₄ (соц. и цифровой)	Умеренный	Умеренный	Быстрый	Быстрый
Требуемые условия	Продолжение нац. программ	Политическая воля 5 государств	Активность гражд. общества, бизнеса	Нац. реформы + межправительственная платформа + сети
Примечание: Составлено авторами на основе сценарного моделирования.				

7. Методологические преимущества и ограничения

Предложенная модель ИИ КИ ЦА обладает рядом методологических преимуществ по сравнению с существующими подходами. Во-первых, она ориентирована на измерение степени связанности, а не только уровня развития отдельных стран. Во-вторых, модель учитывает специфику КИ как сектора, в котором нематериальные и сетевые факторы играют ключевую роль. В-третьих, индекс совместим с методами сетевого анализа (SNA, Social Network Analysis) и форсайта, что расширяет возможности его практического применения.

Немаловажно, что проведенный сравнительный анализ позволил уточнить структуру модели с учетом реально наблюдаемых асимметрий. Так, высокая степень развития цифровой интеграции при слабой институциональной структуре подтверждает обоснованность разделения этих уровней и целесообразность их независимого измерения. Наличие статистически значимых данных только по Казахстану, тогда как по остальным странам приходится опираться на экспертные оценки и качественные характеристики, само по себе является диагностически важным результатом, свидетельствующим о необходимости создания единой региональной системы статистического учета КИ.

Вместе с тем следует отметить ограничения, связанные с доступностью сопоставимых статистических данных и субъективностью экспертных оценок по ряду индикаторов. Данные ограничения носят общий характер для исследований в сфере креативной экономики и могут быть частично нивелированы за счет расширения эмпирической базы и регулярного обновления индекса. Еще одним ограничением является то, что индекс, разработанный на текущем этапе, не может в полной мере учесть влияние цифровых платформ глобального охвата (TikTok, YouTube, Telegram) как факторов неформальной региональной интеграции, это направление требует отдельного методологического проектирования.

Заключение

Настоящее исследование позволило разработать теоретико-методологические основы анализа интеграционного потенциала КИ стран Центральной Азии и получить следующие основные результаты.

Во-первых, подтвержден тезис о том, что КИ обладают значительным, но недостаточно реализованным потенциалом региональной интеграции. Общие культурные коды, историче-

ское наследие, языковая близость и растущая цифровизация создают мощное неформальное «ядро» интеграции (по экспертной оценке, $R_3 = 60$, $R_4 = 55$ из 100). Вместе с тем институциональная и экономическая «оболочка» этого ядра остается недостроенной ($R_1 = 45$, $R_2 = 40$ из 100), что и формирует итоговый ИИ КИ ЦА на уровне 50 баллов – стадия «формирующейся интеграции».

Во-вторых, проведенный сравнительный статистический обзор зафиксировал принципиальную асимметрию стран ЦА по уровню развития КИ. Казахстан лидирует по масштабам сектора и его институциональной зрелости: ВДС КИ достигла 1,2 трлн тенге (~2,7 млрд долларов) в 2023 г., число субъектов КИ превышает 46 тысяч, реализуется специальный налоговый режим с целевым ростом до 2% ВВП к 2029 г. Кыргызстан реализовал инновационную модель мирового значения (ПКИ), Узбекистан обеспечил законодательный прорыв и впечатляющую динамику IT-экспорта (с 16 до 344 млн долларов за 2020–2023 гг.). Таджикистан и Туркменистан существенно отстают по показателям институционального развития КИ при наличии богатого культурного наследия. Отдельным тревожным сигналом является почти полное отсутствие сопоставимых данных по четырем из пяти стран региона, что само по себе является барьером для интеграции.

В-третьих, сценарное моделирование показало, что инерционный сценарий дает прирост ИИ до 56–58 баллов к 2030 г., асимметричный – до 62–65 баллов, тогда как ускоренный сценарий позволяет достичь 70–75 баллов. Максимальный эффект (72–77 баллов) достигается при реализации комбинированной стратегии, сочетающей институциональные реформы «сверху» с поддержкой низовых сетевых и цифровых инициатив «снизу».

В-четвертых, предложены конкретные направления для перехода к ускоренному сценарию: создание Регионального совета по КИ на отдельной платформе; разработка единой методологии статистического учета КИ для всех пяти стран; принятие региональной дорожной карты развития КИ ЦА с конкретными целевыми показателями; формирование Регионального фонда развития КИ для софинансирования трансграничных проектов; создание единой цифровой платформы для продвижения региональных КИ на мировые рынки.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования разработанного инструментария при формировании региональных стратегий, программ поддержки КИ и межгосударственных инициатив в сфере культуры и экономики. ИИ КИ ЦА может применяться как мониторинговый инструмент для оценки прогресса интеграции, как диагностический инструмент для выявления структурных барьеров, а также как инструмент форсайта для проектирования сценариев развития.

Направления дальнейших исследований связаны с эмпирической апробацией индекса на основе расширенной базы данных; разработкой методологии единого регионального статистического учета КИ; анализом влияния глобальных цифровых платформ на интеграцию КИ ЦА; оценкой экономических эффектов углубления интеграции на социально-экономическое развитие региона.

Информация о финансировании. Настоящее исследование профинансировано Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (проект ИРН AP26198511 «Интеграционный потенциал креативных индустрий Центральноазиатского региона: разработка методологии оценки и механизмов реализации») в рамках ГФ по научным и (или) научно-техническим проектам на 2025–2027 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1 UNESCO. Global Report on Cultural Policies: Culture – The Missing SDG. Paris: UNESCO, 2025. 384 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000395707> (accessed: 06.01.2026)

2 UNCTAD. Creative Economy Report 2024. Geneva: UNCTAD, 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf (accessed: 06.01.2026)

3 Креативные индустрии Казахстана: тренды и перспективы. – Астана: Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), 2024. – 50 с. URL: <https://aifc.kz/wp-content/uploads/2025/01/kreativnye-industrii-kazahstana-trendy-i-perspektivy.pdf> (дата обращения: 06.01.2026)

4 Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.

- 5 Арупов А.А., Байзакова К.И., Арупова Н.А., Арупов А.А. Сравнительный анализ глобальной конкурентоспособности экономик Центральной Азии // Вестник университета «Туран». – 2025. – № 4. – С. 218–233. DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2025-1-4-218-233>
- 6 Balassa B. The Theory of Economic Integration. London : George Allen & Unwin, 1961. 304 p.
- 7 Howkins J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. London: Penguin Books, 2001. 288 p.
- 8 Florida R. The Rise of the Creative Class. New York: Basic Books, 2002. 404 p.
- 9 Scott A.J. Creative Cities: Conceptual Issues and Policy Questions // Journal of Urban Affairs. 2006. Vol. 28. No. 1. P. 1–17.
- 10 Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. London: Sage Publications, 2019. 544 p.
- 11 UNESCO. Cultural and Creative Industries in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan: Mapping of Educational Platforms. Almaty: UNESCO, 2023. 86 p. URL: <https://www.unesco.org> (дата обращения: 06.01.2026)
- 12 OECD. Guide on Culture and Local Development. Paris: OECD, 2025. 62 p. URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2019/08/ICOM-OECD-GUIDE_EN_FINAL.pdf (accessed: 06.01.2026)
- 13 UNDP. Human Development Report. New York: UNDP, 2023. 324 p.
- 14 British Council. A Novel Approach for Assessing Creative Enterprises to Attract Impact Investment in Kazakhstan: analytical report. London; Almaty: British Council, 2024. 44 p.
- 15 British Council. Creative Central Asia 2024: Conference Report. London; Almaty: British Council, 2024. 32 p. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org> (accessed: 06.01.2026)
- 16 British Council. Creative Central Asia 2025: How to Measure the Impact of Creative Industries: Conference Report. London; Almaty: British Council, 2025. 38 p.
- 17 British Council. Новые подходы к оценке креативных бизнесов для привлечения импакт-инвестиций в Казахстане: отчет по итогам исследования. – 2024. – 48 с. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/sites/default/files/impact-report-cci-kazakhstan-2024-ru.pdf> (дата обращения: 06.01.2026)
- 18 European Commission. Cultural and Creative Industries in Europe. Brussels: European Commission, 2021. – 114 p.
- 19 Экономическое обозрение. Центр экономических исследований и реформ при Администрации Президента Республики Узбекистан. – 2025. – № 10 (309). – С.76–81.
- 20 Об утверждении Концепции развития креативных индустрий на 2021 –2025 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2021 года № 860. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860/history> (дата обращения: 06.01.2025)
- 21 Об утверждении перечня видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии. Приказ Министра культуры и информации Республики Казахстан от 20 октября 2025 года № 572-НҚ. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G25JC000572> (дата обращения: 06.01.2026)
- 22 О креативной экономике. Закон Республики Узбекистан от 03.10.2024 г. № ЗРУ-970. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7129290> (дата обращения: 06.01.2026)
- 23 О Парке креативных индустрий. Закон Кыргызской Республики от 8 августа 2022 года № 88. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112419/edition/1183525/ru> (дата обращения: 06.01.2026)
- 24 Creative Industries Mapping Documents. London: Department for Digital, Culture, Media & Sport, 1998. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998> (accessed: 06.01.2026)
- 25 Ortiz-Ospino L., González-Sarmiento E., Roa-Perez J. Technology trends in the creative and cultural industries sector: a systematic literature review // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2025. Vol. 14. Article No. 32. DOI: 10.1186/s13731-025-00497-6
- 26 Davis T., Charter M. Creative Industries and the Circular Economy: a Reality Check Across Global Policy, Practice, and Research // Sustainability. 2025. Vol. 17. No. 23. Article No. 10460. DOI: 10.3390/su172310460
- 27 Aziz F.N., Roziqin A., Loilatu M.J., Sulistyaningsih T., Hijri Y.S., Kismartini K. Research Trends of Creative Industries in Indonesia: A Bibliometric Analysis // Journal of the Knowledge Economy. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 2571–2588. DOI: 10.1007/s13132-023-01299-5
- 28 Towse R., Cunningham S., Potts J. Talent and technology in creative industries: introduction to the special issue // Journal of Cultural Economics. 2025. Vol. 49. No. 1. P. 1–6.
- 29 Берновская А., Газиев С., Тентиева Ч., Шерматова Ш., Шаяхмет Д. База данных креативных бизнесов Центральной Азии: аналитический отчет. – Алматы: Creative Central Asian Network, 2021. – 94 с.
- 30 Zhuparova A., Pukala R., Doszhan R. Analysis of the Development of Creative Industries in Kazakhstan: The Qualitative Analysis // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. 2022. Vol. 4, No. 66. P. 145–159.

REFERENCES

- 1 UNESCO. Global Report on Cultural Policies: Culture – The Missing SDG. Paris: UNESCO, 2025. 384 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000395707> (accessed: 06.01.2026) (In English)
- 2 UNCTAD. Creative Economy Report 2024. Geneva: UNCTAD, 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf (accessed: 06.01.2026) (In English)
- 3 Kreativnye industrii Kazahstana: trendy i perspektivy. Astana: Mezhdunarodnyj finansovyj centr «Astana» (MFCA), 2024. 50 p. URL: <https://aifc.kz/wp-content/uploads/2025/01/kreativnye-industrii-kazahstana-trendy-i-perspektivy.pdf> (data obrashhenija: 06.01.2026) (In Russian)
- 4 Nye J.S. (2004) Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs. 191 p. (In English)
- 5 Arupov A.A., Bajzakova K.I., Arupova N.A., Arupov A.A. (2025) Sravnitel'nyj analiz global'noj konkurentosposobnosti jekonomik Central'noj Azii // Vestnik universiteta «Turan». No. 4. P. 218–233. DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2025-1-4-218-233> (In Russian)
- 6 Balassa B. (1961) The Theory of Economic Integration. London : George Allen & Unwin. 304 p. (In English)
- 7 Howkins J. (2001) The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. London: Penguin Books. 288 p. (In English)
- 8 Florida R. The Rise of the Creative Class. New York: Basic Books, 2002. 404 r. (In English)
- 9 Scott A.J. (2006) Creative Cities: Conceptual Issues and Policy Questions // Journal of Urban Affairs. Vol. 28. No. 1. P. 1–17. (In English)
- 10 Hesmondhalgh D. (2019) The Cultural Industries. London: Sage Publications. 544 p. (In English)
- 11 UNESCO. Cultural and Creative Industries in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan: Mapping of Educational Platforms. Almaty: UNESCO, 2023. 86 p. URL: <https://www.unesco.org> (data obrashhenija: 06.01.2026) (In English)
- 12 OECD. Guide on Culture and Local Development. Paris: OECD, 2025. 62 p. URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2019/08/ICOM-OECD-GUIDE_EN_FINAL.pdf (accessed: 06.01.2026) (In English)
- 13 UNDP. Human Development Report. New York: UNDP, 2023. 324 p. (In English)
- 14 British Council. A Novel Approach for Assessing Creative Enterprises to Attract Impact Investment in Kazakhstan: analytical report. London; Almaty: British Council, 2024. 44 p. (In English)
- 15 British Council. Creative Central Asia 2024: Conference Report. London; Almaty: British Council, 2024. 32 p. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org> (accessed: 06.01.2026) (In English)
- 16 British Council. Creative Central Asia 2025: How to Measure the Impact of Creative Industries : Conference Report. London; Almaty: British Council, 2025. 38 p. (In English)
- 17 British Council. Novye podhody k ocenke kreativnyh biznesov dlja privilechenija impakt-investicij v Kazahstane: otchet po itogam issledovanija. 2024. 48 p. URL: <https://kazakhstan.britishcouncil.org/sites/default/files/impact-report-cci-kazahstan-2024-ru.pdf> (data obrashhenija: 06.01.2026) (In English)
- 18 European Commission. Cultural and Creative Industries in Europe. Brussels: European Commission, 2021. 114 p. (In English)
- 19 Ekonomicheskoe obozrenie. Centr ekonomicheskikh issledovanij i reform pri Administracii Prezidenta Respubliki Uzbekistan. 2025. No. 10(309). P. 76–81. (In Russian)
- 20 Ob utverzhdenii Konceptii razvitija kreativnyh industrij na 2021–2025 gody. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 nojabrja 2021 goda № 860. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860/history> (data obrashhenija: 06.01.2025) (In Russian)
- 21 Ob utverzhdenii perechnja vidov jekonomicheskoy dejatel'nosti, odnosjashihhsja k kreativnoj industrij. Prikaz Ministra kul'tury i informacii Respubliki Kazahstan ot 20 oktjabrja 2025 goda № 572-NK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G25JC000572> (data obrashhenija: 06.01.2026) (In English)
- 22 O kreativnoj jekonomike. Zakon Respubliki Uzbekistan ot 03.10.2024 g. № ZRU-970. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7129290> (data obrashhenija: 06.01.2026) (In Russian)
- 23 O Parke kreativnyh industrij. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 8 avgusta 2022 goda № 88. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112419/edition/1183525/ru> (data obrashhenija: 06.01.2026) (In Russian)
- 24 Creative Industries Mapping Documents. London: Department for Digital, Culture, Media & Sport, 1998. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998> (accessed: 06.01.2026) (In English)
- 25 Ortiz-Ospino L., González-Sarmiento E., Roa-Perez J. (2025) Technology trends in the creative and cultural industries sector: a systematic literature review // Journal of Innovation and Entrepreneurship. Vol. 14. Article No. 32. DOI: 10.1186/s13731-025-00497-6 (In English)
- 26 Davis T., Charter M. (2025) Creative Industries and the Circular Economy: A Reality Check Across Global Policy, Practice, and Research // Sustainability. Vol. 17. No. 23. Article No. 10460. DOI: 10.3390/su172310460 (In English)

27 Aziz F.N., Roziqin A., Loilatu M.J., Sulistyarningsih T., Hijri Y.S., Kismartini K. (2024) Research Trends of Creative Industries in Indonesia: A Bibliometric Analysis // Journal of the Knowledge Economy. Vol. 15. No. 1. P. 2571–2588. DOI: 10.1007/s13132-023-01299-5 (In English)

28 Towse R., Cunningham S., Potts J. (2025) Talent and technology in creative industries: introduction to the special issue // Journal of Cultural Economics. Vol. 49. No. 1. P. 1–6. (In English)

29 Bernovskaja A., Gaziev S., Tentieva Ch., Shermatova Sh., Shajahmet D. (2021) Baza dannyh kreativnyh biznesov Central'noj Azii: analiticheskij otchet. – Almaty: Creative Central Asian Network. 94 p. (In Russian)

30 Zhuparova A., Pukala R., Doszhan R. (2022) Analysis of the Development of Creative Industries in Kazakhstan: The Qualitative Analysis // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. Vol. 4, No. 66. P. 145–159. (In English)

САНСЫЗБАЕВ С.Н.,¹

э.ф.д., профессор.

e-mail: s.sansyzbayev@turand.edu.kz

ORCID ID: 0009-0007-3051-1441

ХАДЖИЕВА Г.У.,*¹

э.ф.к., профессор-зерттеуші.

*e-mail: g.khajiyeva@turand.edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-8889-543X

ДУСМУХАМЕДОВ О.С.,²

PhD, қауымдастырылған профессор.

e-mail: Oy_bek63@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-8518-8572

¹«Тұран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

²Өзбекстан ұлттық университеті,

Ташкент қ., Өзбекстан

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ КРЕАТИВТІ ИНДУСТРИЯЛАРЫНЫҢ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ӘЛЕУЕТІН ЗЕРТТЕУДІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ-МЕТОДОЛОГИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Андатпа

Креативті индустриялар секторы Орталық Азия елдерінің транзитив өтпелі экономикасына елеулі үлес қоса алады, себебі ол білікті жұмыс орындарын құрудың жоғары әлеуетіне және әлеуметтік-экономикалық өсімді ынталандыру мүмкіндігіне ие. Әлемдік экономиканың өңірлену үдерістерінің күшеюі және мәдени-экономикалық даму модельдерінің трансформациясы жағдайында креативті индустриялардың интеграциялық әлеуетін зерттеу ерекше өзектілікке ие болып отыр. Орталық Азия елдері үшін креативті индустриялар экономикалық өсімнің көзі ғана емес, сонымен қатар ұлтүстілік бірегейлікті қалыптастырудың, мәдени байланыстылықты нығайтудың және трансшекаралық ынтымақтастықтың орнықты желілерін құрудың маңызды құралы болып табылады. Осы зерттеудің мақсаты – кешенді, көпдеңгейлі тәсіл негізінде Орталық Азия елдерінің креативті индустрияларының интеграциялық әлеуетін талдаудың теориялық-әдіснамалық негіздерін әзірлеу. Жұмыста ұлттық креативті секторларды фрагментарлық талдаудан институционалдық, экономикалық, әлеуметтік-мәдени және цифрлық интеграциялық факторлар шешуші рөл атқаратын өңірлік экожүйені жүйелі түрде қарастыруға көшу қажеттілігі негізделді. Зерттеудің әдіснамалық негізін өңірлік экономикалық интеграция тұжырымдамалары, креативті экономика теориясы, институционалдық және желілік тәсілдер, сондай-ақ салыстырмалы талдау, индекстеу және сценарийлік модельдеу әдістері құрады. Мақалада Орталық Азияның креативті индустрияларының Интеграциялық индексінің авторлық моделі ұсынылып, ол өңір елдері арасындағы өзара байланыстылық деңгейін сандық тұрғыда бағалауға және интеграциялық үдерістердегі әлсіз тұстарды айқындауға мүмкіндік береді. Зерттеудің ғылыми жаңалығы Орталық Азияның ерекшеліктеріне бейімделген, креативті индустрияларды ұлтүстілік деңгейде интеграциялауды талдауға арналған концептуалдық және әдіснамалық тұрғыдан біртұтас құралдар жүйесін қалыптастыруында көрініс табады. Жұмыстың практикалық маңыздылығы зерттеу нәтижелерін өңірлік стратегияларды, креативті индустрияларды қолдау бағдарламаларын, сондай-ақ мәдениет пен экономика салаларындағы мемлекетаралық бастамаларды әзірлеу барысында қолдану мүмкіндігінде айқындалады.

Тірек сөздер: креативті индустриялар, интеграциялық әлеует, өңірлік интеграция, креативті экономика, мәдени ынтымақтастық, интеграция индексі, транзитив өтпелі экономика.

SANSYZBAYEV S.N.,¹

d.e.c., professor.

e-mail: s.sansyzbayev@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0007-3051-1441

KHAJIYEVA G.U.,*¹

c.e.c., research professor.

*e-mail: g.khajiyeva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-8889-543X

DUSMUKHAMEDOV O.S.,²

PhD, associate professor.

¹Turan University,

Almaty, Kazakhstan

²National University of Uzbekistan,

Tashkent, Uzbekistan

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING THE INTEGRATION POTENTIAL OF CREATIVE INDUSTRIES IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Abstract

The creative industries sector holds considerable potential to contribute to the development of the transitive economies of Central Asian countries by creating high-skilled jobs and promoting sustainable socio-economic growth. Amid the accelerating regionalization of the global economy and the deep transformation of traditional cultural and economic development models, investigating the integration potential of creative industries has gained heightened relevance from both scientific and practical standpoints. For Central Asian countries, creative industries are not merely a significant driver of economic growth but also a powerful instrument for fostering supranational identity, strengthening cultural cohesion, and establishing enduring networks of cross-border cooperation. The aim of this study is to develop a theoretical and methodological framework for assessing the integration potential of creative industries in Central Asia through a comprehensive multi-level approach. The analysis substantiates the need to shift from fragmented examinations of individual national creative sectors to a systematic analysis of the regional ecosystem, in which institutional, economic, sociocultural, and digital factors emerge as critical drivers of integration. The methodological foundation rests on concepts of regional economic integration, creative economy theory, institutional and network approaches, supplemented by methods of comparative analysis, indexing, and scenario modeling. The article proposes the author's model of the Integration Index of Creative Industries in Central Asia, which provides a quantitative assessment of the level of interconnectedness among the countries of the region and also allows for the systematic identification of key bottlenecks that hinder the further deepening of integration processes in the region. The scientific novelty of the study lies in the development of a conceptually and methodologically integrated toolkit for analyzing the integration of creative industries at the supranational level, consistently adapted to the socio-economic and cultural specificities of Central Asia. The practical significance of the work is determined by the broad applicability of the obtained results in the development of regional development strategies, targeted programs for supporting creative industries, as well as interstate initiatives in the fields of culture and economy.

Keywords: creative industries, integration potential, regional integration, creative economy, cultural collaboration, integration index, transitive economy.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.01.2026